

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА

Н.В. Ершова*

ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЗАЯВЛЕНИЯ О ФАЛЬСИФИКАЦИИ (ПОДЛОЖНОСТИ) ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация: В статье проводится сравнительно-правовой анализ законодательного регулирования в АПК и ГПК РФ вопросов, посвященных правовым последствиям заявления о фальсификации (подложности) доказательства. Обосновывается вывод о необходимости разъяснять уголовно-правовые последствия не только в рамках арбитражного процесса, но и при подаче заявления о подложности доказательства в гражданском процессе. Разрешается вопрос о том, кому именно (лицу, участвующему в деле, и /или его представителю) надлежит разъяснять уголовно-правовые последствия за заведомо ложный донос и фальсификацию доказательств по гражданскому делу. Предлагается исключить норму ст. 161 АПК РФ, согласно которой спорное доказательство может быть исключено из числа доказательств с согласия лица, его представившего, поскольку фальсификация доказательств является преступлением с формальным составом. Выявляются проблемы взаимодействия арбитражных судов с правоохранительными органами при обнаружении признаков состава преступления, предлагаются пути их преодоления.

Ключевые слова: правовая природа заявления, фальсификация, подлог, уголовно-правовые последствия, клевета, заведомо ложный донос, привлечение к ответственности, исключение спорного доказательства, судебная практика, гражданское судопроизводство.

DOI: 10.7256/1994-1471.2014.5.10069

Каждое действие, совершаемое участником процесса при рассмотрении дела в порядке гражданского судопроизводства, влечет наступление определенных правовых последствий. Такие правовые последствия должны быть четко сформулированы в законе, единообразно реализовываться на практике, а также в полной мере согласовываться с принципами отрасли права. Анализ правоприменения норм ст. 186 ГПК РФ, ст. 161 АПК РФ показал, что вопрос о правовых последствиях заявления о фальсификации (подлоге) дока-

зательства в гражданском судопроизводстве лишен правовой определенности по ряду ключевых моментов.

Согласно п. 1) ч.1 ст. 161 АПК РФ, «если лицо, участвующее в деле, обратится в арбитражный суд с заявлением в письменной форме о фальсификации доказательства, представленного другим лицом, участвующим в деле, суд: 1) разъясняет уголовно-правовые последствия такого заявления». Из содержания указанной нормы не ясно, кому и какие уголовно-правовые последствия должны быть разъяснены су-

© Ершова Наталья Владимировна

* Аспирантка кафедры гражданского и административного судопроизводства, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
[pn213@mail.ru]

123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

дом. В доктрине и практике указанный вопрос решается по-разному.

В комментариях к АПК РФ указывается, что «разъяснение дается обоим участникам заседания – как заявившему о фальсификации доказательства, так и обвиняемому в ней. Обвиняемому в фальсификации разъясняется, что в случае, если недостоверность доказательства будет установлена арбитражным судом при его исследовании или при проведении соответствующей экспертизы, виновное лицо может быть привлечено к уголовной ответственности, установленной ст. 303 УК РФ «Фальсификация доказательств»; заявителю – о том, что если доказательство будет признано судом достоверным, в отношении него может быть возбуждено уголовное дело по ст. 306 УК «Заведомо ложный донос» или по ст. 129 УК РФ «Клевета»².

Указанная точка зрения нашла своих сторонников и в сфере правоприменения. Так, при рассмотрении заявления о фальсификации доказательств по делу № А41-К1-4806/07 представитель истца, как лицо, заявившее о фальсификации доказательства, был предупрежден судом апелляционной инстанции об уголовной ответственности, предусмотренной ст. 129, ст. 306 УК РФ. Представителям ответчика, представившим спорное доказательство в материалы дела, были разъяснены уголовно-правовые последствия ст. 303 УК РФ³.

Согласно другого научного подхода, к сторонам которого, в частности, относится А.П. Рыжаков, лицо, представившее спорное доказательство, предупреждается об уголовной ответственности за фальсификацию доказательств (ч. 1 ст. 303 УК РФ), а лицо, обратившееся в суд с заявлением о фальсификации доказательства, об уголовной ответственности только за клевету (ч. 1 ст. 128.1 УК РФ)⁴.

¹ В соответствии с Федеральным законом от 07.12.2011 № 420-ФЗ в ред. от 28.07.2012 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» ст. 129 УК РФ утратила силу, Федеральным законом от 28.07.2012 № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» УК РФ дополнен ст. 128.1. («Клевета»), предусматривающей уголовную ответственность за клевету.

² Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. В.В. Яркова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2011.

³ Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 10.09.2009 по делу № А41-К1-4806/07.

⁴ См.: Рыжаков А.П. Постатейный комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».

Соответствующие примеры также имеются в судебной практике⁵.

По мнению А. Потеевой, Т. Корюкаевой, заявителю разъясняются уголовно-правовые последствия за заведомо ложный донос о совершении преступления (ч.1 ст. 306 УК РФ), а обвиняемой стороне – за фальсификацию доказательств (ч.1 ст. 303 УК РФ)⁶. Как правило, именно таким образом в судебной практике лица, участвующие в деле, предупреждаются об уголовно-правовых последствиях заявления о фальсификации доказательства⁷.

Таким образом, и доктрина, и судебная практика едины в вопросе о том, что лицу, представившему спорное доказательство, разъясняются уголовно-правовые последствия ч. 1 ст. 303 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за фальсификацию доказательства по гражданскому делу, совершенную лицом, участвующим в деле, или его представителем. Что же касается вопроса о том, какие уголовно-правовые последствия надлежит разъяснять лицу, обратившемуся в суд с заявлением о фальсификации доказательства, то здесь, как можно было заметить, среди ученых и правоприменителей отсутствует единство мнений.

На основе анализа элементов составов преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 128.1 и ч. 1 ст. 306 УК РФ, представляется возможным сделать вывод о необходимости разъяснения лицу, обратившемуся в суд с заявлением о фальсификации доказательства, только уголовно-правовых последствий, предусмотренных ч. 1 ст. 306 УК РФ. Во-первых, объектом преступного посягательства при заведомо ложном заявлении о фальсификации доказательства выступают общественные отношения, складывающиеся именно в процессе отправления правосудия. Лицо, ложно заявляющее о фальсификации доказательства, преследует одну-единственную цель – инициировать проверку спорного доказательства для того, чтобы помешать быстрому и правильному рассмотрению дела по существу. При этом у него отсутствует как самостоятельная, так и сопутствующая цель – причинить ущерб чести

⁵ См.: Решение Арбитражного суда Московской области от 26.12.2007 по делу № А41-К1-13698/07; Решение Арбитражного суда Московской области от 13.11.2006, 20.11.2006 по делу № А41-К1-14741/06.

⁶ Потеева А., Корюкаева Т. Изобличение подделки // ЭЖ-Юрист. 2008. № 34.

⁷ См.: Постановление ФАС Московского округа от 07.06.2011 № КГ-А40/5106-11 по делу № А40-107247/10-78-192; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 30.03.2011 №09АП-1680/2011-ГК по делу № А40-107247/10-78-192.

и достоинству лица, представившего спорное доказательство. Во-вторых, клевета предполагает распространение сведений, порочащих честь и достоинство, в отношении конкретного человека, однако указать в заявлении о фальсификации доказательства лицо, даже предположительно совершившее указанное преступное деяние, представляется весьма затруднительным, поскольку круг возможных субъектов фальсификации слишком широк. Доказательство может быть сфальсифицировано самим лицом, участвующим в деле, его представителем, а также любым другим лицом и группой лиц. Но, если в заявлении о фальсификации доказательства все-таки содержится указание на совершение преступного деяния конкретным лицом, наряду с уголовно-правовыми последствиями ч.1 ст. 306 УК РФ заявителю следует разъяснять уголовно-правовые последствия, предусмотренные ч.1 ст. 128.1 УК РФ за клевету.

Необходимо также отметить, что с точки зрения арбитражного процесса ч. 1 ст. 306 УК РФ имеет определенную проблему правоприменения, которая заключается в том, что объективная сторона заведомо ложного доноса предполагает сообщение о преступлении в специальные службы, борющиеся с преступлениями, а также в государственные органы или органы местного самоуправления, обязанные передать поступившее к ним сообщение о преступлении органам, осуществляющим борьбу с преступлениями⁸. Однако арбитражный суд не только не уполномочен рассматривать и проверять заявления о совершении каких-либо преступлений, но и согласно АПК РФ не обладает полномочиями по передаче сообщений о совершении преступлений в соответствующие правоохранительные органы. Обязанность сообщать в органы дознания или предварительного следствия об обнаружении в действиях стороны, других участников процесса, должностного или иного лица признаков преступления возложена лишь на суды общей юрисдикции (ч. 3 ст. 226 ГПК РФ). Таким образом, разъяснение в арбитражном процессе любых уголовно-правовых последствий, предусмотренных нормами УК РФ, становится своего рода фикцией.

Доктрина гражданского процессуального права и опыт зарубежных стран предлагают различные способы взаимодействия суда и правоохранительных органов при рассмотрении заявления о фальсификации доказательства.

⁸ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный)/ Ю.В. Грачева, Л.Д. Ермакова, Г.А. Есаков и др.; отв. ред. А.И. Рапог. 7-е изд., перераб. и доп. М., 2011.

По мнению П.А. Скобликова, ни гражданский процессуальный, ни арбитражный процессуальный порядок не приспособлены для проверки сообщений о преступлениях, поэтому автор считает возможным решить данную проблему путем включения в процессуальные законы нормы, согласно которой при подаче стороной заявления о фальсификации доказательства суд должен будет немедленно направить его компетентным органам⁹.

В гражданском процессуальном законодательстве Франции в случае возникновения сомнения в подлинности доказательства заявление о подлоге должно быть рассмотрено в судебном заседании с обязательным участием прокурора. Судья при рассмотрении данного заявления вправе предпринимать меры, аналогичные мерам, принимаемым при проверке подлинности содержания или подписи документа в простой письменной форме. В случае обнаружения подлога документов прокурор, участвующий в деле, вправе возбудить по данному факту уголовное преследование¹⁰.

Статья 199 ГПК Белоруссии «Доказывание подложности письменных доказательств» предусматривает, что в случае установления подложности письменных доказательств суд направляет информацию об этом прокурору для решения вопроса о привлечении виновных к уголовной ответственности¹¹.

Принимая во внимание то обстоятельство, что любые изменения, вносимые в гражданское процессуальное законодательство, необходимо пропускать сквозь призму системы принципов отрасли права, становится очевидным, что решить проблему фальсификации доказательства в гражданском судопроизводстве невозможно без обеспечения надлежащего функционирования принципа законности. Поэтому в первую очередь необходимо дополнить АПК РФ нормой, аналогичной ч.3 ст. 226 ГПК РФ, которая вменяла бы в обязанность арбитражного суда сообщать в органы дознания или предварительного следствия об обнаружении в действиях стороны, других участников процесса, должностного или иного лица признаков преступления. Такая мера способна обеспечить работоспособность механизма привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших преступные деяния, предус-

⁹ См.: Скобликов П.А. Арбитражный и уголовный процессы: коллизии в сфере доказывания и пути их преодоления. М., 2006.

¹⁰ Гражданский процесс зарубежных стран: учеб. пособие/под ред. д-ра юрид. наук А.Г. Давтян. М., 2008. С. 138.

¹¹ Боннер А.Т. Проблемы установления истины в гражданском процессе. Монография. СПб., 2009. С. 465.

мотренны ч. 1 ст. 303, ч. 1 ст. 306 УК РФ, а также укрепить принцип законности.

Также предлагается создать уведомительную форму взаимодействия суда и органов прокуратуры, при которой судья был бы обязан сообщать прокурору о том, что в его адрес поступило заявление о фальсификации доказательств, достоверность которого им проверяется. По итогам рассмотрения и проверки заявления о фальсификации доказательства суд направляет прокурору копию определения для принятия им решения о возбуждении уголовного дела по соответствующей статье УК РФ. Указанный способ позволяет избежать волокиты, связанной с передачей в правоохранительные органы заявления о фальсификации доказательства для проверки его достоверности, исключает необходимость личного участия прокурора в процессе, но в то же время обеспечивает возможность оперативного реагирования на выявленные судом по итогам проверки заявления признаки преступления, привлекая виновных лиц к уголовной ответственности и достигая тем самым высокого профилактического эффекта, преступлений, предусмотренных ч.1 ст. 303, ч. 1 ст. 306 УК РФ.

Предлагаемая форма взаимодействия суда и правоохранительных органов в лице прокуратуры обуславливается общественной опасностью указанных преступлений и правовой природой заявления о фальсификации доказательства, которая, по нашему мнению, имеет двойственный характер. С одной стороны, заявление о фальсификации (подлоге) доказательства является сообщением о преступлении, и потому правоохранительные органы должны быть поставлены о нем в известность. С другой стороны, главная цель, которую преследует лицо, добросовестно заявляющее о фальсификации доказательства, заключается не в том, чтобы привлечь виновное лицо к уголовной ответственности, а в том, чтобы провести проверку достоверности доказательства, установить несоответствие указанных в нем сведений о фактах действительным обстоятельствам дела и исключить его из числа доказательств по делу. Указанная цель наилучшим образом может быть достигнута именно в рамках гражданского судопроизводства, где суд обладает наиболее полной картиной сложившихся между сторонами отношений, имеет возможность оценить спорное доказательство в совокупности с другими материалами дела, а также в необходимых случаях назначить проведение соответствующей экспертизы, допросить свидетелей, истребовать иные доказательства. Поэтому нами отрицается целесообразность проведения проверки достоверности заявления о фальсификации доказательства в рамках уголовного процесса.

В современном арбитражном и гражданском процессах широко развит институт представительства. Данное обстоятельство формулирует перед доктриной гражданского процессуального права еще один важный вопрос: кому конкретно (лицу, участвующему в деле, и/или его представителю) надлежит разъяснять уголовно-правовые последствия заявления о фальсификации доказательства?

Актуальность вопроса подтверждается судебной практикой. Так, при рассмотрении Арбитражным судом г. Москвы дела № А40-32470/09-45-223 представитель третьего лица, заявивший о фальсификации договоров купли-продажи доли в уставном капитале, отказался от подписания расписки об уголовной ответственности за заведомо ложный донос по ст. 306 УК РФ, пояснив, что, заявляя о фальсификации, выражает волю доверителя. Из материалов дела не усматривается, что суд предпринял какие-либо действия по предупреждению об уголовно-правовых последствиях самого доверителя, при этом обязанность, предусмотренную п.1) ч.1 ст. 161 АПК РФ, посчитал исполненной и принял меры по проверке достоверности заявления¹².

Подобный подход правоприменителя способен привести к большому количеству злоупотреблений со стороны лиц, участвующих в деле, правом заявлять о фальсификации, так как и лицу, участвующему в деле, и его представителю удастся избежать предупреждения об уголовной ответственности, но в то же время инициировать проверку доказательства.

Обратимся к институту представительства в гражданском судопроизводстве. В науке гражданского процессуального права дается следующее определение судебного представительства – правоотношение, в силу которого одно лицо (судебный представитель) в пределах предоставленных ему полномочий совершает процессуальные действия от имени и в интересах другого лица (представляемого), вследствие чего непосредственно у последнего возникают процессуальные права и обязанности¹³. Руководствуясь приведенным выше определением, казалось бы, можно сделать вывод о том, что уголовно-правовые последствия заявления о фальсификации доказательства должны разъясняться только лицу, от имени и в интересах которого действует представитель, поскольку именно у него возникают процессуальные права и обязанности вследствие совершения любых процессуальных действий пред-

¹² См.: Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 16.12.2009 № 09АП-22947/2009 по делу № А40-32470/09-45-223.

¹³ Гражданское процессуальное право: учебник /под ред. М.С. Шакарян. – М., 2004. С. 107.

ставителем, в том числе при подаче заявления о фальсификации доказательств. Однако если мы попробуем смоделировать практику применения данного положения, то увидим, что его реализация вызовет немало трудностей. Например, как надлежит поступать суду, если с заявлением о фальсификации доказательств обратился представитель юридического лица или представитель государственного органа? Кому разъяснять уголовно-правовые последствия, если данные субъекты права могут выступать в суде только через своих представителей, и кто в таком случае будет предполагаемым субъектом уголовной ответственности?

По мнению М.З. Шварца, «предупреждение представителя о возможной уголовной ответственности в подавляющем большинстве случаев является действием бессмысленным, поскольку впоследствии он всегда сможет сослаться на то, что реализовывал в процессе волю лица, которое он представлял, и сообщал суду то, о чем его самого проинформировали, и при этом не знал истинного положения вещей, соответственно, не может нести ответственность»¹⁴. Указанный автор также уточняет, что «в то же время нельзя через представителя предупредить об уголовной ответственности лицо представляемое, а если представляемым лицом является лицо юридическое, то оно вообще не подлежит уголовной ответственности»¹⁵.

А. Потеева, Т. Крюкаева считают, что по делам с участием юридических лиц будет иметь значение, чье волеизъявление на представление подложного доказательства либо на заявление о фальсификации имело место¹⁶. Далее авторы указывают: «Волеизъявление юридического лица может быть выражено путем наделения представителя определенным кругом полномочий. При наличии в доверенности полномочий на осуществление действий от имени представляемого лица в рамках ст. 161 АПК РФ субъектом уголовной ответственности будет выступать представляемое лицо. Отсутствие специальной оговорки в доверенности влечет применение мер уголовного воздействия непосредственно к представителю»¹⁷. Аналогичной точки зрения придерживается В.С. Анохин¹⁸.

По нашему мнению, уголовно-правовые последствия ч.1 ст. 306 УК РФ необходимо разъяснять физическому лицу – участнику процесса, подписавшему заявление о фальсификации доказательств, независимо от того, является ли оно представителем или самим лицом, участвующим в деле, поскольку субъектом таких преступлений как заведомо ложный донос о совершении преступления, является лицо, достигшее 16 лет, вне зависимости от его процессуального положения. При этом ст. 161 АПК РФ необходимо дополнить императивной нормой, согласно которой заявление о фальсификации доказательств должно быть подписано и подано в суд тем лицом, волеизъявление которого оно выражает. Именно этому лицу и надлежит разъяснять уголовно-правовые последствия, предусмотренные УК РФ за заведомо ложный донос.

Уголовно-правовые последствия ч.1 ст. 303 УК РФ необходимо разъяснять как представляемому лицу, так и представителю, поскольку последний в УК РФ назван в числе самостоятельных субъектов уголовной ответственности.

Среди процессуально-правовых последствий заявления о фальсификации доказательств п. 2) ч.1 ст.161 АПК РФ называет исключение оспариваемого доказательства с согласия лица, его представившего, из числа доказательств по делу.

Норма ст. 161 АПК РФ об «исключении» оспариваемого доказательства с согласия лица, его представившего, из числа доказательств по делу, заимствована из ст. 177 ГПК РСФСР 1964 года. Однако действующий ГПК РФ отказался от ее включения в ст. 186 Кодекса. По нашему мнению, предоставление лицам, участвующим в деле, права распоряжаться доказательствами не согласуется с принципами объективной истины, законности и равноправия сторон. Более того, фальсификация доказательств по гражданскому делу является преступлением с формальным составом, т.е. считается оконченным в момент представления фальсифицированного доказательства в суд. Поэтому предоставление лицам, участвующим в деле, права исключать заподозренное доказательство выглядит как некий сговор правосудия с лицом, совершившим преступное деяние, что не добавляет авторитета судебной власти, противоречит принципам гражданского судопроизводства и должно быть исключено из АПК РФ. В ином случае, лицам, содействующим правосудию (эксперту, свидетелю и т.д.), также должно быть предоставлено право исключать из материалов дела их показания, заключения и пр. при возникновении подозрения относительно достоверности таких доказательств, что очевидно входит в противоречие с законом.

Согласно п. 3) ч.1 ст.161 АПК РФ арбитражный суд «проверяет обоснованность заявле-

¹⁴ Шварц М.З. К вопросу о фальсификации доказательств в арбитражном процессе // Арбитражные споры. 2010. № 3. С. 79–92.

¹⁵ Там же.

¹⁶ См.: Потеева А., Крюкаева Т. Изобличение подделки // ЭЖ-Юрист. 2008. №34.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Анохин В.С. Вопросы фальсификации доказательств в арбитражном процессе // Российский судья. 2009. №12. С. 7–14.

ния о фальсификации доказательства, если лицо, представившее это доказательство, заявило возражения относительно его исключения из числа доказательств по делу». Таким образом, в числе процессуально-правовых последствий заявления о фальсификации доказательства следует назвать проверку достоверности такого заявления способами, указанными в законе. Как показывает анализ арбитражного процессуального законодательства и судебной практики, проверка достоверности заявления о фальсификации доказательства является для арбитражного суда обязанностью. ГПК РФ иначе регулирует однородные процессуальные отношения. В соответствии с нормами ст. 186 ГПК РФ «в случае заявления о том, что имеющееся в деле доказательство является подложным, суд может для проверки этого заявления назначить экспертизу или предложить сторонам представить иные доказательства».

Значит ли это, что в гражданском процессе проверка заявления о подложности доказательства является для суда правом, а не обязанностью, или приведенная формулировка указывает лишь на право суда выбирать способ проверки? В настоящее время вопрос о том, является ли принятие мер по проверке заявления о подложности доказательства обязательным для судов общей юрисдикции, лишен единства правоприменительной практики.

Так, в одних случаях¹⁹ непринятие мер по проверке заявления признавалось судом вышестоящей инстанцией существенным нарушением норм процессуального права, влекущим отмену судебного акта. В частности, в Определении Московского областного суда от 15.02.2011г. по делу №33-3288 указывается следующее: «Поскольку судом при разрешении спора нарушены нормы процессуального законодательства, заявление истца о подложности документа не получило надлежащую оценку, решение суда нельзя признать законным и обоснованным, оно подлежит отмене с направлением дела на новое рассмотрение»²⁰.

В других делах суды указывают на необязательность принятия мер, перечисленных в ст. 186 ГПК РФ: «Установленное статьей 186 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации право, а не обязанность суда

для проверки заявления о том, что имеющееся в деле доказательство является подложным, назначить экспертизу или предложить сторонам представить иные доказательства вытекает из принципа самостоятельности и независимости судебной власти, гарантированного статьей 10 Конституции РФ. При поступлении такого заявления суд оценивает его в совокупности с другими доказательствами и обстоятельствами дела, исходя из ответственности за принятие законного и обоснованного решения»²¹.

Такая формулировка дословно заимствована из Определения Конституционного Суда РФ от 21 октября 2008 года №655-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ревина В.А. на нарушение его конституционных прав ст. 186 ГПК РФ». Однако стоит подчеркнуть, что в указанном определении Конституционный Суд высказался именно по вопросу о необходимости принятия мер, перечисленных в ст. 186 ГПК РФ (назначение экспертизы, истребование иных доказательств), не провозглашая необязательности проведения самой проверки заявления о подложности доказательства.

Но уже в Определении Конституционного Суда РФ от 25 января 2012 г. №159-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Тахистова Ю.В. на нарушение его конституционных прав ст. 186 ГПК РФ» позиция Конституционного Суда РФ изменилась. Отклоняя жалобу, Конституционный Суд РФ указал: «Установленное статьей 186 ГПК Российской Федерации право, а не обязанность суда проверить заявление о том, что имеющееся в деле доказательство является подложным, назначив для этого экспертизу, или предложить сторонам представить иные доказательства вытекает из принципа самостоятельности и независимости судебной власти; при поступлении такого заявления суд оценивает его в совокупности с другими доказательствами и обстоятельствами дела, исходя из лежащей на нем обязанности вынести законное и обоснованное решение по делу»²².

Таким образом, Конституционный Суд, скорректировав свою позицию, высказанную в Определении Конституционного Суда РФ от 21 октября 2008 года №655-О-О, уточнил, что не только принятие мер, указанных в ст. 186 ГПК РФ, но и само проведение проверки достовер-

¹⁹ См.: Постановление Президиума Московского областного суда от 09.11.2011г. №489 по делу № 44г-188/11; Постановление Президиума Московского областного суда от 07.03.2012 г. №84 по делу №44г-38/12; Определение Московского областного суда от 15.02.2011 г. по делу №33-3288.

²⁰ См.: Определение Московского областного суда от 15.02.2011 г. по делу №33-3288.

²¹ См.: Определение Нижегородского областного суда от 26.07.2011 по делу № 33-7560/2011; Апелляционное определение Томского областного суда от 26.06.2012 по делу № 33-1613/2012; Определение Московского городского суда от 26.10.2010 по делу № 33-33682.

²² Определение Конституционного Суда РФ от 25 января 2012 г. №159-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Тахистова Ю.В. на нарушение его конституционных прав ст. 186 ГПК РФ».

ности заявления о подложности доказательств является правом, а не обязанностью суда.

Согласиться с таким подходом не представляется возможным. Во-первых, процессуальные отношения, возникающие в арбитражном процессе в связи с заявлением о фальсификации доказательств, и процессуальные отношения, возникающие в гражданском процессе в связи с заявлением о подлоге доказательств, имеют единую правовую природу, а значит должны регулироваться единообразно. Во-вторых, учитывая то обстоятельство, что суд не может положить в основу судебного акта до-

казательство, достоверность которого вызывает сомнение, проведение проверки заявления о подлоге доказательств в гражданском процессе, так же как и в арбитражном процессе должно быть обязательным для суда.

Проведенный анализ правоприменения норм ст. 186 ГПК РФ, ст. 161 АПК РФ обнаружил потребность в дополнительной законодательной проработке вопросов, связанных с правовыми последствиями заявления о фальсификации (подлоге) доказательств, в рамках которой могут быть применены сформулированные выше предложения.

Библиография

1. Анохин В.С. Вопросы фальсификации доказательств в арбитражном процессе // Российский судья. 2009. № 12. С. 7–14.
2. Боннер А.Т. Проблемы установления истины в гражданском процессе. Монография. – СПб.: Юридическая книга, 2009. – 832 с.
3. Гражданский процесс зарубежных стран: учеб. пособие / под ред. д-ра юрид. наук А.Г. Давтян. – М.: ТК Велби, Изд-во «Проспект», 2008. – 480 с.
4. Гражданское процессуальное право: учебник / под ред. М.С. Шакарян. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. – 584 с.
5. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. В.В. Яркова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Инфотропик Медиа, 2011. – 1152 с.
6. Потеева А., Корюкаева Т. Изобличение подделки // ЭЖ-Юрист. 2008. № 34.
7. Рыжаков А.П. Постатейный комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».
8. Скобликов П.А. Арбитражный и уголовный процессы: коллизии в сфере доказывания и пути их преодоления. – М.: Норма, 2006. – 143 с.
9. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. 2-е изд., испр. и доп. М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2009. – 800 с.
10. Шварц М.З. К вопросу о фальсификации доказательств в арбитражном процессе // Арбитражные споры. 2010. № 3. С. 79–92.

References

1. Anokhin V.S. Voprosy fal'sifikatsii dokazatel'stv v arbitrazhnom protsesse // Rossiiskii sud'ya. 2009. № 12. S. 7–14.
2. Bonner A.T. Problemy ustanovleniya istiny v grazhdanskom protsesse. Monografiya. – SPb.: OOO «Universal'nyi izdatel'skii konsortsiy» «Yuridicheskaya kniga», 2009. – 832 s.
3. Grazhdanskii protsess zarubezhnykh stran: ucheb. posobie / pod red. d-ra yurid. nauk A.G. Davtyan. – M.: TK Velbi, Izd-vo Prospekt, 2008. – 480 s.
4. Grazhdanskoe protsessual'noe pravo: uchebnik / S. A. Alekhina, V. V. Blazheev i dr.; pod red. M.S. Shakaryan. – M.: TK Velbi, Izd-vo Prospekt, 2004. – 584 s.
5. Kommentarii k Arbitrazhnomu protsessual'nomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (postateinyi) / A.V. Absalyamov, D.B. Abushenko, I.G. Arsenov i dr.; pod red. V.V. Yarkova. 3-e izd., pererab. i dop. M.: Infotropik Media, 2011. – 1152 s.
6. Poteeva A., Koryukaeva T. Izoblichenie poddelki // «EZh-Yurist», 2008, № 34.
7. Ryzhakov A.P. Postateinyi kommentarii k Arbitrazhnomu protsessual'nomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii // SPS «Konsul'tantPlyus». 2008.
8. Skoblikov P.A. Arbitrazhnyii ugolovnyi protsessy: kollizii v sfere dokazyvaniya i puti ikh preodoleniya. – M.: Norma, 2006. – 143s.
9. Ugolovnoe pravo Rossiiskoi Federatsii. Osobennaya chast': uchebnik / Yu.V. Gracheva, L.D. Ermakova, G.A. Esakov i dr.; pod red. L.V. Inogamovoi-Khegai, A.I. Raroga, A.I. Chuchaeva. 2-e izd., ispr. i dop. M.: KONTRAKT, INFRA-M, 2009. – 800 s.
10. Shvarts M.Z. K voprosu o fal'sifikatsii dokazatel'stv v arbitrazhnom protsesse // Arbitrazhnye spory. 2010. № 3. S. 79–92.

Материал поступил в редакцию 28 октября 2013 г.